

“РИМСКИЙ МИФ” В ИМПЕРСКОЙ ПРОПАГАНДЕ ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА АВГУСТА

В период правления императора Октавиана Августа в Риме была создана новая, имперская идеология. Она должна была обосновать произошедшие в Риме социально-политические перемены, и для этих целей был изобретён богатый и разнообразный пропагандистский инструментарий.

Особое место в идеологии принципата было отведено т.н. “римскому мифу”. Именно в век Августа с древности бытовавшие в Риме представления об особой милости богов к Городу и, следовательно, о некой избранности римского народа, были целенаправленно и весьма искусно сведены в одну стройную концепцию “римского мифа”. Собственно, при Августе политическое мифотворчество стало использоваться государством в качестве популярного и действенного инструмента пропаганды. Именно в это время обрабатывались старые и создавались новые легенды о происхождении римлян и об основании Города. Получаемый материал использовался для того, чтобы, черпая “факты” из прошлого, можно было оправдать настоящее и нарисовать подданным однозначно блестящее и привлекательное будущее. И в этом отношении деятельность властей надо оценить как весьма успешную.

На службу пропагандистским целям было поставлено искусство. Центральной идеей исторических и литературных произведений стала идея вселенского величия Рима – основной компонент “римского мифа”. Именно в “августов век” были созданы “Оды” и “Юбилейный гимн” Горация, “Энеида” Вергилия, “История” Тита Ливия и другие в этом смысле “мифологические” произведения.

“Искусственные” героические поэмы, т.е. не выросшие непосредственно из народного эпоса, были нечастым явлением в античной литературе. Греки в этом плане представлены по сути лишь одним именем – Аполлоном Родосским, создавшим основанную на целом мифологическом сюжете “Аргонавтику”. Однако более практичные и политизированные римляне оставили нам гораздо больше имён поэтов, занимавшихся созданием политического эпоса, непосредственно касавшегося тех или иных событий в истории Рима. Это прежде всего “отцы” римской литературы – Энний и Невий. Но именно эпоха раннего принципата (конец I в. до н.э. – I в. н.э.) выдвинула сразу несколько эпических поэтов – Вергилия, Лукана, Стация, Силия Италика. Эти авторы стали глашатаями идеи миродержавства Рима.

Особенно ярко и пафосно эта идея прозвучала в вергилиевской “Энеиде”, ставшей своего рода национальным римским эпосом. В центре поэмы – прежде всего дух будущего Рима, идея его бессмертия, основанного на божественном промысле. Славные предначертания богов Риму приводятся уже в самом начале поэмы [Энеида, I, 19-22, 205-206, 234-239, 278-279], достигая кульминации к середине текста в словах о главном предназначении Рима – править миром [VI, 756-885]. Аналогичные по содержанию мысли о римском величии звучат в знаменитых “Римских одах” Горация [Оды, III, 1-6] и в других его произведениях [Оды, IV, 1; Юбилейный гимн, 10-12]. Даже в своём прославленном “Памятнике” Гораций, говоря о собственном бессмертии, увязывает его с вечностью города Рима [Оды, III, 30, 8-9].

Эти и другие произведения были также насквозь пронизаны мыслью о завершении Римом своей великой объединительной и цивилизующей миссии, о даровании им покорённым народам римских законов и “римского мира”.

Идея “римского мира” (*Pax Romana*) была одной из самых востребованных тем в литературных произведениях рассматриваемой эпохи. Много и детально говорилось о прекращении войн, усмирении смутьянов и отпоре варварам, об установлении времени покоя и согласия во всём “круге земель” (*Orbis Terrarum*), т.е. фактически во всём известном античному человеку мире [Вергилий, Георгики, IV, 560-561; Гораций, Оды, IV, 14, 41-48]. Восторженное воображение авторов раздвигало границы “римского мира” – теперь не только в социально-правовом, но и в территориальном понимании – до невообразимых пределов: на севере – до земель “диких” бриттов и германцев, на юге – до порогов Нила и аравийских песков, на востоке – до царств парфян, индов и скифов. Только на западе имелась естественная граница – великий Океан. При этом следует учитывать, что в сознании античного “средиземноморского” человека эти пределы и действительно казались лежащими на самом краю мира. Тем величественнее представлялись военные подвиги римского народа, сумевшего объединить под своей властью столь обширные и удалённые друг от друга земли и управлять ими.

С идеей “римского мира” непосредственно была увязана и концепция возвращения на землю “золотого века”. Античные учения о сменявших друг друга в истории человечества трёх (либо четырёх) эпохах, или веках, в телеологическом плане оказывались пессимистичными: от благоденствия “золотого века” человечество, в представлении античных философов, двигалось в сторону всеобщего ожесточения и несправедливости. Однако эпоху Августа современники из числа не философов, но поэтов прославляли в качестве “второго золотого века” (первый, по римским представлениям, был в баснословные времена при Сатурне). Август после десятилетий смут и гражданского неурядиства сумел разбить врагов Рима, утвердить в нём самом гражданский порядок и создать таким образом прочную основу для будущего вечного процветания Рима [Вергилий, Буколики, IV, 4-9, 18-25; Гораций, Юбилейный гимн, 57-60, 66-68].

Но пропаганда Августа пошла дальше этих положений. Теперь в “римский миф” оказался включённым сам Август, и прежде всего – благодаря “Энеиде”. В Августе виделось воплощение римской доблести, он – сын причисленного к лику богов Юлия Цезаря и т.о. потомок первооснователя Рима – Энея. Он же победоносно завершил древнюю провиденциальную миссию Энея, завещанную самим Юпитером, – основать Город, который будет стоять вечно.

Следует особо отметить, что “Энеида”, например, повествует в первую очередь о прошлом вовсе не города Рима, а древнейших предков рода Юлиев. Но именно эта “семейная история” в сознании римлян конца I в. до н.э. утверждается в качестве предистории всего Римского государства. Устанавливается связь между современной эпохой и древнейшим прошлым Рима, но связь опосредованная – через род Юлиев. Август т.о. становился средоточием Рима, как сам Рим стал центром Ойкумены. Произошло фактическое соединение образов Августа, Юпитера и Города как зримое воплощение величия римского народа.

При наследниках Августа “римский миф” превратился в политическую доктрину, своего рода “кредо империи”. С другой стороны, в сознании миллионов людей сформировалась и прочно поселилась мифологема “Вечного Города”, движущегося сквозь толщу веков, в котором одновременно сосуществуют прошлое, настоящее и будущее, Города вне времени и пространства, который вместил в себя весь мир и сам стал миром. И эта идея смогла пережить само Римское государство.